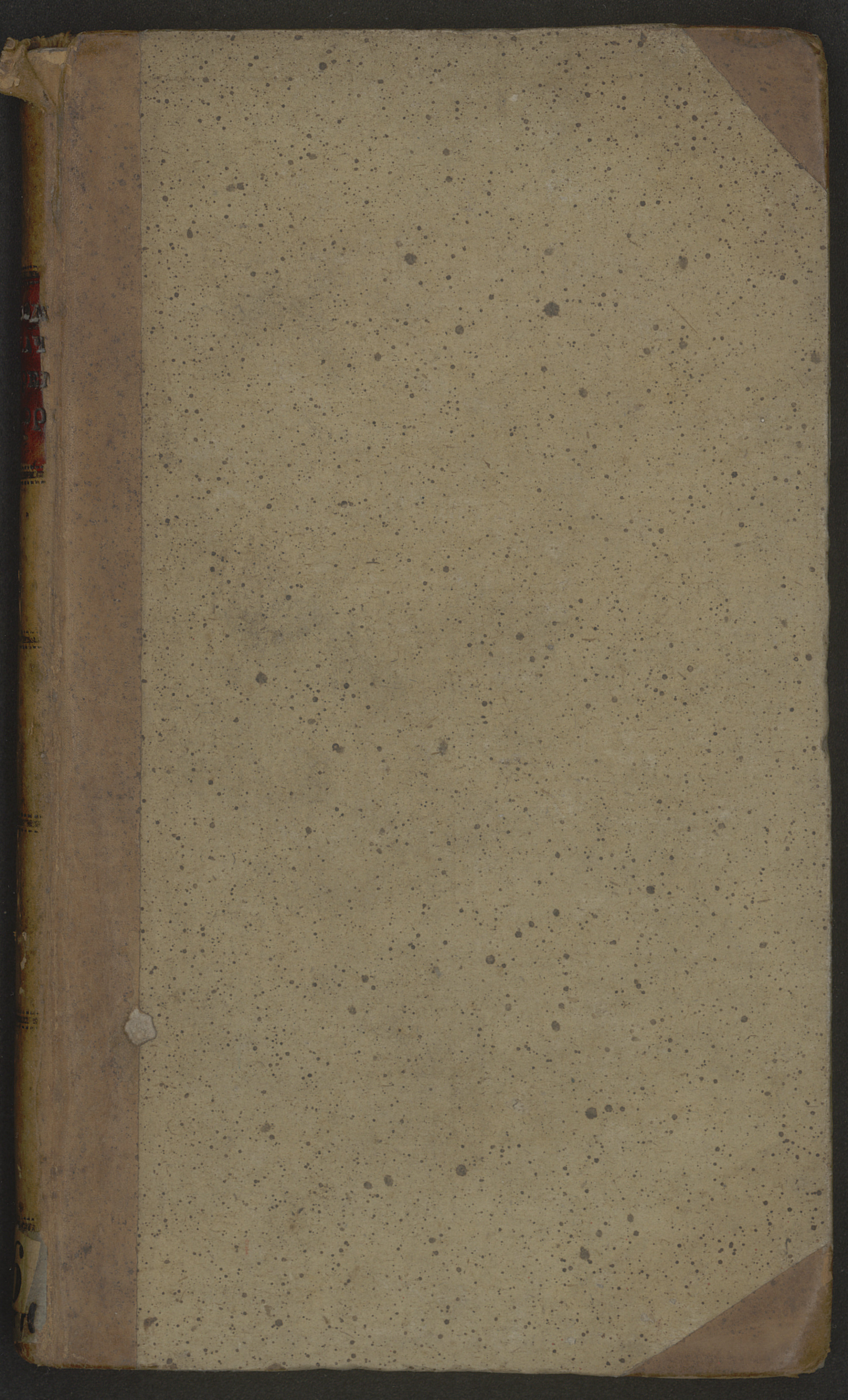
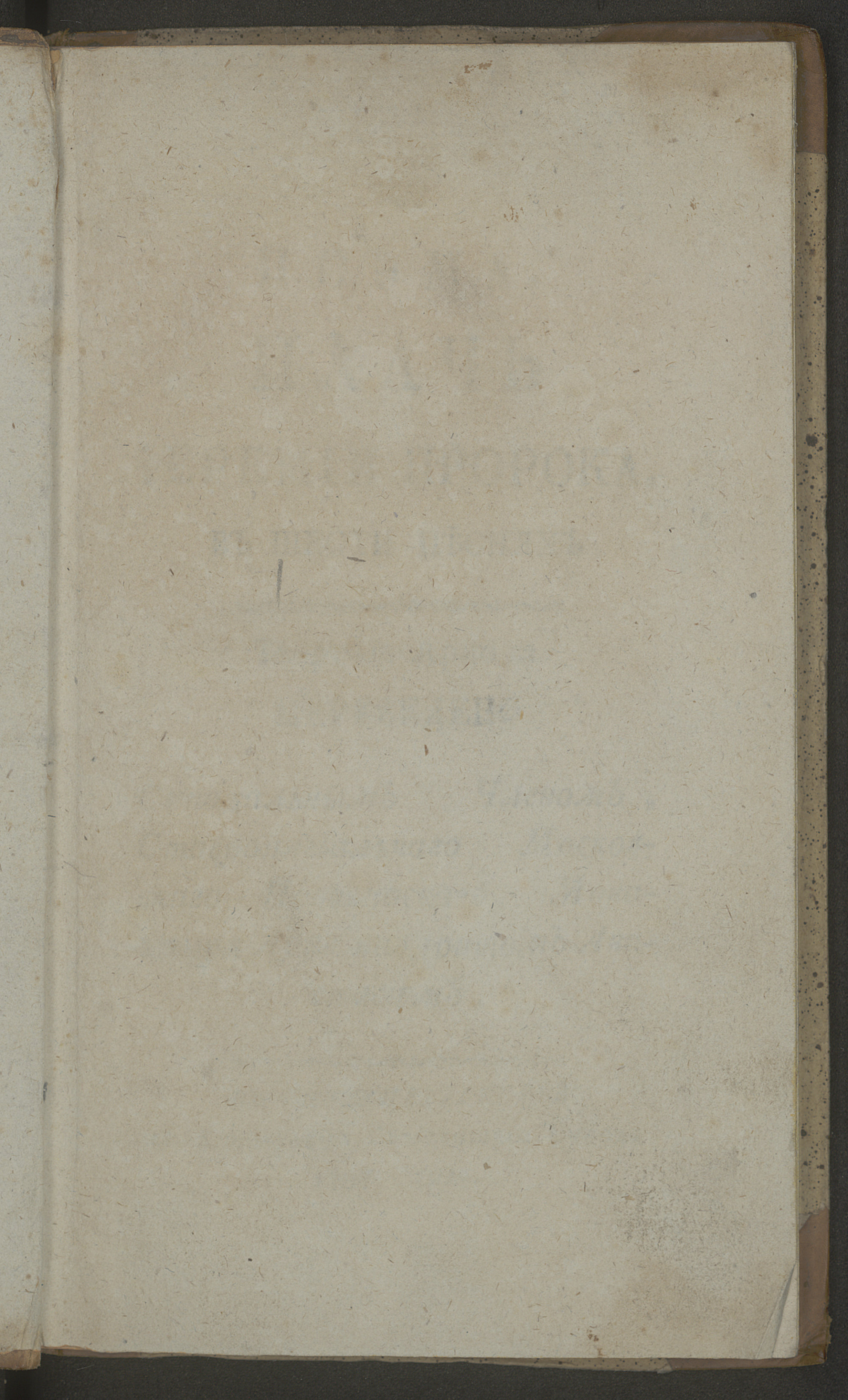
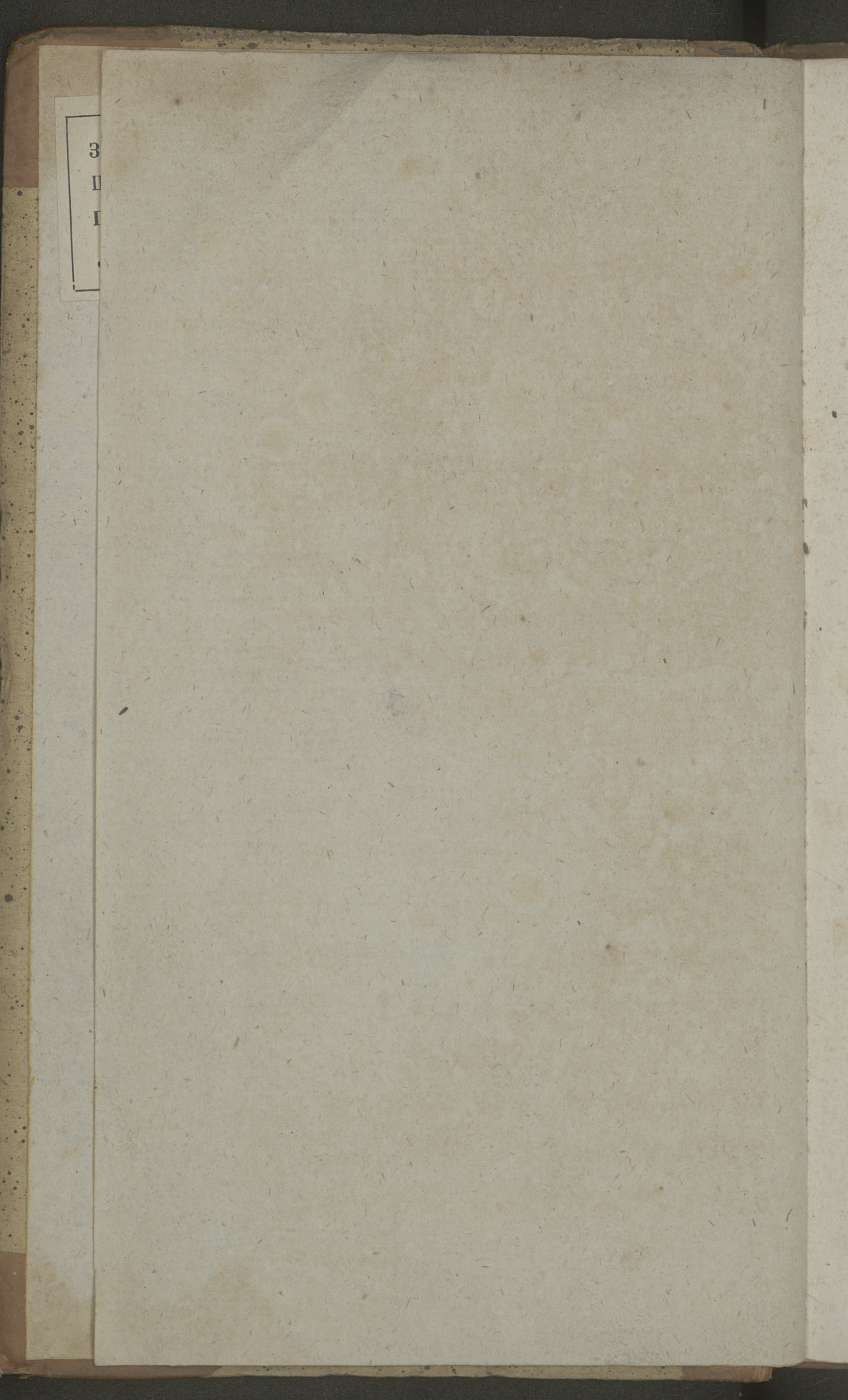

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 170.
ПОЛКА 4.
№ 16.

ПОЭМА,
ПЛАЧЬ
ІЕРЕМІИ ПРОРОКА,
ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

Твореніе Арнода
ПЕРЕВЕДЕНО

Сѵнодальнымъ Членомъ, Ставролигіальнаго Московскаго Новоспаскаго Монастыря Архимандритомъ Анастасіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
въ Тѵпографіи Святѣйшаго Сѵнода
1797 года.

Печатана съ указнаго дозволенія.

*
* *
* * *

ПРЕДИСЛОВІЕ

I. Іеремія, сынъ Халкіевъ, званія священническаго отъ колѣна Веніаминова. Имя ему по Еврейскому выраженію, *Ирміагу*, значитъ: великъ предъ Господемъ. Оно дано ему отъ самаго младенчества его, по внушенію промысла самаго Бога, наконецъ глаголавшаго къ нему: *Прежде* глав: 1. 5.
неже мнѣ создати тя во чревѣ, познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ, освятихъ

освятихъ тя , Пророка во
9. 01. *языки поставихъ тя .... Се*
дахъ словеса моя во уста
твоя, се поставихъ тя днесь
надъ языки, и надъ царствы,
да искорениши, и разориши, и
расточиши, и разрушиши, и
паки созиждеши, и насадиши.

II. Онъ должность Пророческую исполнялъ чрезъ сорокъ пять лѣтъ, то есть, отъ тринадцатаго года царствованія Іосіи даже до пятаго послѣ разоренія Іерусалима и храма, съ 3375 до 3420 года отъ с. м.

III. Сей святый мужъ проповѣдывалъ истинну, обличалъ, настав-

наставлялъ, угрожалъ, тѣмъ величественнѣйшимъ, и безпристрастнымъ гласомъ, чѣмъ больше были лицы, предъ коими онъ велѣнїемъ Божїимъ обязанъ былъ говорить. Цари Израильскїе и Вельможи никогда отъ него не слышали рѣчей, каковыя въ присутствїи ихъ произносили лжепророки.

IV. Проповѣдуемая устами его истинна была вмѣстѣ утверждаема непорочною и добродѣтельною его жизнїю. Сїи отъ стороны Пророка къ послушанїю его словъ сколь ни сильны были убѣжденїя, но возбудили больше проти-

воборниковъ ему, нежели поборниковъ по немъ. Поклонники Ваала ненависть свою простерли до того, что совѣщались убить святаго
11; 19. Пророка. *Азъ же яко агня незлобивое ведомое на заколенїе, не разумѣхъ, яко на мя помыслиша, помыслъ лукавый глаголюще: прїидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его, да истребимъ его отъ земли живущихъ, и имя его да не помянется ктому:* Се при-
26; 15. знанїе самаго Пророка! *Но разумѣюще да уразумѣете, яко аще убїете мя, кровь неповинну дадите сами на ся, и на градъ сей, и на живущїе въ немъ: яко поистиннѣ посла*

мя

мя Господь къ вамъ глаголати въ уши ваши вся слова сія. Се его защищеніе противу злобы, совѣщавшіяся на жизнь его!

V. Не лучше были расположены къ нему и самые Іудейскіе Вельможи. Они, не терпя столь же обличительныхъ увѣщаній, какъ и предсказаній неблагопріятныхъ, бросили Пророка въ темницу. Царь Седекія посѣщалъ въ тайнѣ сего невиннаго узника, въ чаяніи услышать отъ него хотя вынудительнымъ образомъ, предвѣщанія благополучныя. Но Пророкъ и при семъ случаѣ возвѣстилъ, что

Седекія будетъ преданъ въ руки Царя Вавилонскаго. Святый Іеронимъ говоря о непоколебимой великости духа сего Пророка, сказалъ наконецъ мысль достойную быть напечатлѣнною на сердцахъ всѣхъ любителей добродѣтели и истинны: „ Истинну могутъ связать „ и заключить въ темницу: „ но побѣдить не могутъ. „ Она довольна и малочислен- „ ностію послѣдователей сво- „ ихъ, и множества враговъ „ не страшится.

VI. Святый Пророкъ съ крайнею горестію души видѣлъ исполненіе пророчествъ сво-

ихъ. Іерусалимъ наконецъ Вавилоняне разорили, ограбили и сожгли. Тогда-то сердце его произнесло сей плачь, коимъ не могутъ не быть тронуты всѣ чувствительныя сердца. Онъ возвратившись изъ Египта въ опустошенныя мѣста своего отечества, дабы нещастныхъ и бѣдствующихъ сограждан своихъ, или утѣшить, или пролить вмѣстѣ обильнѣйшія слезы, хотѣлъ съ ними раздѣлить горестную судьбу: но, неблагодарные, свершили мѣру своихъ злодѣйствъ. Они добродѣтельнѣйшаго Пророка каменіемъ побили. Сей святый мужъ умеръ стольже великодушно

душно, какъ и жилъ непорочно. Послѣднее его слово было моленіе къ Богу о помилованіи убійцевъ своихъ; послѣдней его вздохъ, было воздыханіе о нещастіи Іерусалима.

VII. Въ семъ переводѣ соблюдена только мысль Пророка; но живость трогательнѣйшихъ его чувствованій неизобразима. Первый плачь раздѣленъ на двѣ пѣсни, по двоякому въ немъ содержанію. Сочинитель свои въ переводѣ слабости извиняетъ неподражаемою высокостію священнаго подлинника. Я, имѣя въ виду три предмѣта: подлин-

никъ, иностранный стихами переводъ, и важность россійскаго слова, тѣмъ большее кажется заслуживаю въ погрѣшностяхъ извиненіе.

И дамъ Іерусалимъ въ преселеніе, и въ жилище змїемъ, и грады Іудины положу въ разореніе, яко не будетъ обитающаго. Кто мужъ премудръ, и уразумѣетъ сїе; —— ... Чего ради погибе земля, сожжена есть яко пустыня, ея же никтоже проходитъ; и рече Господь, понеже оставиша законъ мой, его же дахъ предъ лицемъ ихъ, и не послушаша гласа моего, и не ходиша по нему: Но пойдоша по изволенїю сердца своего лукаваго, и въ слѣдъ идоловъ, имъже научиша ихъ отцы ихъ.

Іерем. 9: 11. 12. 13. 14.

ПРИЗЫВАНІЕ ПЕЧАЛИ. ИЗОБРАЖЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА, И ПРОРОКА ІЕРЕМІИ, ПЛАЧУЩАГО НАДЪ РАЗВАЛИНАМИ ЕГО.

Дщерь нещастія, разительная печаль, о! ты, коея томнымъ взоромъ и ліющимися по ланитамъ слезами, не меньше яко прелестями нѣкіими, трогаются сердца! пріиди! устрой гласъ мой по жалобному гласу твоему, и лиру мою по воплямъ твоимъ; да въ плачевномъ пѣніи моемъ изобразится твое внутреннее томленіе, и пѣснь мою растворятъ воздыханія, могущія

могущія подвигнуть къ жалости и состраданію.

Да будетъ вопль мой горестный подобенъ воплю Сіона, доселѣ изъ прискорбныя груди своей простирающаго ежечасно жалостнѣйшіе крики свои къ Небесамъ. Пріиди Владычица сѣтованія и скорби! Возбуди въ сердцѣ моемъ пламень Божественнаго Пророка, и изливая на строки сіи слезы и чувствія его, излей всю чашу горести, коею душа его была упоена.

Какая невидимая сила, внезапу пренесла меня на сіи брега толь злополучные? Се плачевные опровергнутыхъ зданій остатки осѣняются

черными крылами Ангела запустѣнія; тамъ раскопанныя гробницы и сѣтующія отъ скорби тѣни, что мирной прахъ ихъ поруганъ, оскверненъ; се кровь, еще дымящаяся на землѣ попранной: вся страна царствія сего подобна исчезающему сновидѣнію.

Кто сія, о! Небо! кто сія тако плачущая горько, поверженная, покрытая прахомъ, предавшаяся отчаянію жена? на челѣ ея зрится напечатлѣнное лютое нещастіе ея. Она предъ Небомъ открываетъ грудь свою, израненную жестокими ударами; призываетъ Бога мстителя

на убійцевъ своихъ : но Богъ не внемлетъ больше воплямъ ея ; Вышній не призираетъ видѣти болѣзнь ея.

Іерусалиме ! Іерусалиме ! тебе ли я не моглъ узнать ? ... Кто сей старецъ, проливающій слезы надъ нещастными развалинами твоими, въ чаяніи подвигнуть къ жалости разгнѣваннаго Господа твоего ? .... Онъ вѣщаетъ .... Воздыханія прерываютъ гласъ его ? ... Святое сострадание ! возчувствуй со мною горестную судьбу, оплакиваемую Пророкомъ ; повтори вопль и рыданія его : самая смерть, самой адъ явленіемъ симъ будутъ тронуты, поражены.

ПЛАЧЬ ІЕРЕМІИ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

И бысть, повнегда въ плѣнъ отведенъ бѣ Ізраиль, и Іерусалимъ опустошенъ бяше, сяде Іеремія пророкъ плачущъ: и рыдаше рыданіемъ симъ надъ Іерусалимомъ, и глаголаше.

Какой мечтается мнѣ призракъ въ пустынѣ сей?... Или, это ты Отечество мое?

Ты изнуренное сѣтованїемъ и печалїю, облеченное во врепище, покрытое пепломъ лежиши при дверехъ гроба? — О Сїонъ! Сїонъ! тако ли умираеши среди бренїя и праха! Тако ли окрестности твои превратились въ пространное погребательное мѣсто, гдѣ смертные токмо факелы дымятся?

Владычица народовъ, нещастная матерь! гдѣ твои чада, гдѣ безчисленные твои народы? — Они разсѣяны! расточены! И ты, яко вдовица, едина стонешъ подъ бременемъ бѣдствїй! На выю твою возложены тягчайшїе оковы!... О! небо! Владычица толикихъ странъ и народовъ порабощена? и коя на Царей возлагала дани, нынѣ сама подъ данїю!

Без-

Безмолвная нощь! какими ты очами взирала, когда сія осиротѣвшая и попранная вдовица, при тяжкихъ и безпрерывныхъ воздыханіяхъ проливала источники слезъ, омывая ими хладное свое ложе? Ланиты ея изсохли; едины токмо слѣды, струями слезными глубоко напечатлѣнные, на лицѣ ея зрятся. Нѣтъ, нѣтъ, кто бы горесть ея растворилъ утѣшеніемъ. Любящіе ее учинились неблагодарными; дружащіеся съ нею стали врагами; они издѣваются надъ слезами ея: всѣ, яко гладные волки, желаютъ снѣсти плоть ея.

Дщерь Іуды, предавшись неизвѣстному бѣгству, влача съ собою презрѣніе и узы своего рабства, тщетно прешла во страны иноплеменническія:

не обрѣла она здѣсь просимаго покоя. И тамо всѣ, яко звѣри плотоядные, преслѣдуютъ ее. Рабство и смерть въ слѣдъ ея стремятся повсюду.

Пути Сїонскїе лежатъ покрытые тернїемъ и пылїю; и въ сей безобразной ризѣ, воспоминая святые оные дни праздниковъ Господнихъ, неутѣшно оплакиваютъ горестное лишенїе свое. Врата Града и Храма, губительною опустошенїя рукою сокрушенные, рыдая, вопрошаютъ: Гдѣ тѣ празднующихъ сонмы, украшавшїе насъ вѣнцами, сплетенными изъ цвѣтовъ? Гдѣ тотъ многочисленный народъ, который подобно рѣчнымъ устремленїямъ стекался къ преддверїямъ нашимъ?

Жрецы, въ томъ же гибельномъ паденіи низверженные, объемлютъ изнемогшими руками остатки разореннаго жертвенника, воздымая томные взоры съ глубокими воздыханіями къ небесамъ. Дѣвицы вмѣсто прекрасныхъ утварей, облечены въ рубища, и вервію препоясанныя отведены въ плѣнъ. Сіонъ, во всякомъ мѣстѣ, на всѣхъ разпутіяхъ, вездѣ піетъ чашу предносимую смертію, коя желчную горесть разливаетъ по всему сердцу его.

О! Сіонъ! ты зриши соперниковъ твоихъ, возносящихъ главу свою надъ тобою! Зриши враговъ алчныхъ, побѣжденнаго тебя, поглощающихъ яко ловитву? Тако ли о! Господи, ревнуяй по святости! тако ли далеко прости-

расти мстительный гнѣвъ свой! Сїонъ видитъ, коль поразительное явленїе! Сїонъ видитъ чада свои исторгнутые изъ объятїй его и окованные желѣзными узами, насильственно предъ лицемъ высокомѣрнаго побѣдителя влекомые.

Вся слава Дщери Сїонской изчезла; все величество ея сокрушено подъ игомъ бѣдствїй; вся красота ея подобно злаку, незапно опаленному зноемъ, поблекла. Князи низвержены со престоловъ своихъ, и яко овцы, лишенныя пажитей и гладомъ изнуренныя, въ смиренїи идутъ во слѣдъ колесницы гордаго побѣдоносца.

Попранный на землѣ, отриновенный небомъ, низпадшїй съ высоты славы и обилїя во

узы

узы вражїя Іерусалимъ, еще обращаетъ взоры свои вспять ко днямъ благословеннымъ. Но какой о Господи! какой Ты ко умноженїю скорби его представляешъ превратъ? — Вездѣ очамъ его встрѣчается нечестивый врагъ, торжествующїй неистово на мѣстѣ преселенныхъ. Твои праздники осмѣяны, поруганы, и служатъ токмо предметомъ богохульныхъ разговоровъ.

Іерусалиме! Іерусалиме! законопреступный Іерусалиме! ты заслужилъ удары сїи. Гнѣвъ Бога твоего преслѣдуетъ тебя и поражаетъ. Всеобщее презрѣнїе, яко волны морскїя покрыло тебя; тебя славившїе, тебя почитавшїе прежде, наконецъ уничижили тебе и попрали. Плачи, Іерусалиме! рыдай, но обрати лице твое

 вспять

вспять. Твой плачь, твои рыданія отрынуты небомъ.

Ты покрытый злодѣяніями, законопреступленіями, скверною грѣховъ, ты въ таковомъ состояніи поносномъ, прикасаясь нечистыми руками къ Олтарю святому, уже ли мнилъ, что Богъ оставитъ тебя безъ наказаній? Се ты въ пропасти? Се ты яко цѣль, со всѣхъ сторонъ разимая стрѣлами!... О! Боже праведный! призри на толь ужасное паденіе его, и спаси хотя отъ презорства, творимаго неблагодарными.

Се высокомѣрный Иноплеменникъ дерзнулъ остервенѣвшую грабительствомъ руку свою простереть на похищеніе драгоцѣннѣйшаго наслѣдія его, на похищеніе святыхъ сосудовъ, посвя-

посвященныхъ на службу Тебѣ безсмертному Богу. Въ Твое Святилище вошли нечестивые народы, и праги Храма Твоего дрожали отъ ужаса, когда наглой нечестивецъ, преступая ихъ, стремился безстрашно къ Олтарю Твоему.

Великїй Боже! Боже Іяковль! Боже мой! Ты казнїю посѣщая Князей, низлагаешъ со престоловъ, но вмѣстѣ милуешъ и прощаешъ вины ихъ. Призри милосерднымъ окомъ на злостраданїя разсѣяннаго народа Твоего; воззови паки дѣтей въ объятїя единыя матери ихъ, коя томимая лютѣйшею горестїю, безпрестанно къ Тебѣ простираетъ свой гласъ. Призри о Господи! услыши: да матерь и чада ея обрадованные еще болѣе прославятъ имя Твое.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Продолженіе перваго плача. Рыданія Іерусалима, въ коихъ онъ самъ свои изображаетъ злощастія, и проч. ---

О вы! кои маніемъ Бога карающаго меня, приходите на сіи брега, приближитеся, разсмотрите меня и оплачите страданія мои. Воззрите на меня, влекомаго смертными ужасами ко гробу. Пламень болѣзней меня сожигаетъ, снѣдаетъ мене; я умираю въ лютѣйшей горести. Ничто не можетъ сравниться съ злощастіемъ моимъ: нѣсть болѣзнь, якоже болѣзнь моя.

Все, все сїе предвѣщалъ мнѣ Господь. Наконецъ гнѣвъ ярости Его излился на главу мою: мечь мщенїя Его опустошилъ поля мои. Тако разгнѣванный винограда собиратель, единѣмъ утромъ отсѣкъ серпомъ гроздїя, оставляетъ въ запустѣнїи обнаженный вертоградъ свой.

О! Боже! Ты съ высоты небесъ пославъ пламенную стрѣлу молнїеноснаго гнѣва Твоего въ кости моя, сожеглъ ихъ, и обратилъ въ прахъ. Ты сокрушилъ хребетъ мой ударами желѣзными; Твоими сѣтями препнутъ повергнулся я въ сїи ужасныя бѣдствїя, гдѣ душа моя уже касается ко вратамъ ада.

Ты стягиваешъ узы лежащаго на мнѣ ига; выя моя отяг-

отягченная желѣзами, находится подъ мышцею Твоею: вся крѣпость моя изнемогла и пала предъ гнѣвомъ Твоимъ. Но о! Господи! Ты наконецъ въ сїи узы вѣчные повергнулъ меня руками беззаконныхъ, и Твой Ангелъ, поборяя по мщенїю Твоему, не спасаетъ меня, яко предатель, отъ ударовъ вражїихъ.

Ты восхитилъ отъ среды моея сильныхъ моихъ, кои были крѣпостїю твердыни моея. Твой гласъ призвалъ на погубленїе оруженосцовъ моихъ тлетворную язву, и избранные воины мои пали безъ рати со врагомъ. Твой карающїй гнѣвъ представилъ народу моему то смертоносное вино, кое почерпнувъ, всякъ испилъ свою погибель.

Плачите, плачите очи мои! погружай-

погружайтесь въ слезахъ! Тотъ, кто исцѣлялъ сердце мое уязвляемое печалїю, кто въ горести моей былъ единымъ утѣшителемъ, удалился отъ мене. — Я вижу, — воины мои погибли, погибло съ ними и все мужество ихъ; изчезло все потомство мое. Врагъ! трикраты щастливъ ты! побѣда на твоей сторонѣ.

Сїонъ, еще простираетъ ослабѣвшїя руки своя: но нѣтъ, ктобы изъялъ его отъ смерти, висящїя надъ его главою. Іяковъ видитъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнаго врагами. Іерусалимъ оставленъ; Іерусалима убѣгаютъ, яко нечистыя жены, яко позорныя блудницы.

Признаю о! Боже Великїй! признаю Твое правосудїе и съ

трепетомъ

трепетомъ почитаю его. Я согрѣшилъ о! Боже мой! я согрѣшилъ: но какое наказанїе мое? — Послушайте мене вси народы, воззрите, и видите слезы мои. Чада мои погублены. Дѣвицы мои и юноши отведены въ рабство, гдѣ въ горести лютѣйшей сидя на чуждемъ, на вражїемъ брегу, простираютъ взоры свои ко мнѣ; но видятъ только изъ дали, коль горько оплакиваю нещастїе ихъ!

Призываю друзей моихъ:... Тщетно!... Друзья мои оставили меня... Лукавыя сѣти, и смертной ужасъ... отвсюду меня окружаютъ:... Жрецы мои и старцы мои изнемогаютъ отъ глада. Всуе взываютъ къ прогнѣванным небесамъ, испрашивая новую манну.

Они

Они повергаются въ объятія мои, и умираютъ на персѣхъ моихъ.

Всѣ люди и народъ мой безъ пищи воздыхаютъ, томимые алчбою. Для полученія, ахъ! для полученія послѣднѣйшія пищи предлагаютъ всѣ остатки драгоцѣнностей своихъ.... Нѣтъ покупающихъ. Остается для ихъ едина пища — собственное тѣло, которое въ ярости глада терзая пожираютъ; ихъ питіе слезы, доселѣ отъ безпрестаннаго плача неизсякшія.

Призри о Господи силъ! призри съ высоты Твоея святыя, и виждь, какими ударами пораженъ я. Вся внутренность моя смятенна, превращено сердце мое, и адъ подъ ногами моими. Всѣ роды злощастій, соединивъ силы свои противъ

меня, вдругъ единымъ какъ бы ударомъ разятъ меня и раздираютъ. Изъ внѣ кровожаждущїй мечь, а внутрь свирѣпствуетъ всегубительная смерть.

Кто? кто уже не слышитъ тяжкихъ воздыханїй моихъ, моихъ воплей, моихъ криковъ?... Нѣтъ утѣшающагo... О! сердца! жестокїя, не человѣческїя сердца!... Твоя рука, о! Боже мой! поразила меня: почто же о семъ торжествуетъ высокомѣрный врагъ? Ахъ! когда прїидетъ день, призываемый мщенїемъ моимъ! когда прїидетъ день, въ которой падетъ дерзской врагъ мой, и подобное моему бѣдствїй иго сотретъ гордую выю его!

Да предстанутъ всѣ коварства, вся черная злоба враговъ

моихъ

моихъ, да предстанутъ предъ лице твое, о Правосудный! Твое правосудїе воззрѣвъ на тяжесть злодѣйствъ ихъ, умилостивится надъ утопающимъ въ слезахъ Iерусалимомъ. Такъ да поразитъ враговъ моихъ за беззаконїя ихъ мышца Твоя, которая поразила меня за грѣхи мои! Кровь сихъ жертвъ, она едина можетъ утолить стенанїя мои, пресѣчь вопль и рыданїе мое.

ПѢСНЬ ТРЕТIЯ.

Продолженїе плача Iеремїи о разоренїи Iерусалима.

Какимъ мракомъ, о! Царь царей, и Богъ боговъ! какимъ мракомъ покрылъ Ты

дщерь Сїонскую? Можно ли было чаять, что Ты блеснешь молнїю надъ главою ея, и поразишь проклятїя громомъ священныя стѣны ея? Можно ли было чаять, что съ высоты небесъ, съ верху славы и величїя низвергнувъ мышца Твоя Израиля, всесильная мышца Твоя сокрушитъ яко скудельный сосудъ, сїе святое подножїе свое; сей престолъ побѣдъ своихъ и славы?

Но нещастный Израиль! се видитъ онъ, како стѣны и огражденїя его, гордящїяся крѣпостїю своею, разрушились отъ гнѣва Твоего; како мѣста Тобою избранныя, сїи святыя мѣста, гдѣ благоволилъ Ты являть величество свое, преобратилися въ пространную гробницу, поражающую ужасомъ всѣхъ мимоходящихъ? Нечестїе во-

воцарилося въ храмѣ святѣйшемъ, и ѳиміамъ воскуряемый на олтарѣ ихъ оскверненъ нечистыми испареніями. Іяковъ и возлюбленные чада его, упоенные виномъ ярости Твоея и поверженные на землю, съ жалостными воплями испускаютъ духъ свой.

Ты сокрушилъ рога, гордящагося крѣпостію своею тельца сего, который съ перваго устремленія расточалъ стекающіяся отъ всюду на него стада. Палъ наконецъ Израиль подъ сильными ударами Твоими. Разгнѣванная десница Твоя не пощадѣла его. Вся ярость Твоя, подобно молніеносному вихрю низвергнулась на главу его. Твое мщеніе, яко стремительный потокъ, расторгнувъ оплоты, мгновенно разлилося

внутрь и окрестъ Іерусалима.

Напряженный противу Израиля лукъ твой пустилъ уже въ него смертоносныя стрѣлы. Ахъ! можно ли было чаять, что бы Ты вознесъ ужасную мышцу твою на погубленіе доселѣ спасаемаго Тобою Іерусалима? О! градъ злополучный! о! неоплаканная судьба! Вездѣ! вездѣ слѣды Превѣчнаго. — Зрю я пламенные гнѣва Его потоки, поглощающіе твореніе всемогущія Его десницы; зрю опроверженные жертвенники, тлѣющіе огнемъ, горѣвшимъ нѣкогда верху ихъ для всесожженія жертвы.

Богъ твой, о! Іерусалимъ! нѣсть болѣе для тебя Богъ милостей и щедротъ. Ярость его разлилася по стогнамъ твоимъ. Повергнувъ Ізраиля на

землю

землю, терзаетъ Онъ трепещущіе члены, не внемля стенаніямъ, ни воплямъ его. Всѣ домы и чертоги его разрушены; всѣ стѣны его поросли терніемъ и мхомъ; смертоносныя воды, пролитыя изъ урны мщенія, всѣ безъ остатку излились въ твое, о дщерь Іудова! сердце, лютою печалію терзаемое.

Се таинственная оная завѣса, покровъ высочайшія премудрости, расторжена рукою Превѣчнаго! Се святая оная скинія, престолъ самаго Бога, обращенная въ прахъ съ прискорбіемъ воздыхаетъ о праздникахъ священныхъ! Вездѣ, яко на мѣстѣ сраженія бурныхъ вихрей, едино токмо во градѣ Іерусалимѣ опустошеніе зрится. Нѣтъ болѣе дней закономъ учрежденныхъ: Богъ въ гнѣвѣ своемъ

отринувъ приносимыя ему жертвы, равно отвергнулъ и Царя и Князя и Жреца.

Отринулъ Господь тотъ величественнѣйшій жертвенникъ свой, гдѣ свѣтъ присутствія его долженствовалъ сіять во вѣки. Святыя мѣста, оглашаемыя благоговѣйными пѣснопѣніями, опровергнуты рукою вражіею. Звѣрскія неистовыхъ крики возмутили царствовавшую во оныхъ тишину. И куда со трепетомъ входилъ Левитъ: тамо дерзской Иноплеменникъ поставилъ оскверненную ногу свою. Безбожный Ниневитянинъ напечатлѣлъ богохульное поношеніе на олтарѣ Святая Святыхъ.

Господь поражающій тебя, о! бѣдствующій Сіонъ! простерлъ окрестъ стѣнъ твоихъ ужасное разоренія

разоренія уже, и не отвратилъ руки своея отъ забралъ твоихъ, доколѣ, яко молніей пораженные, пали со стономъ у ногъ Его. По грозному гласу Его, черная всѣхъ яростей Его туча низверглась на осужденную главу твою. Господь рекъ: да падетъ Сіонъ: и Сіонъ изчезъ отъ очей его.

Нещастное Государство! твой Царь согбенный подъ тяжкимъ бременемъ оковъ; вожди твои стѣнящіе подъ игомъ рабства; чада твои преселенные на необитаемые брега, — сіи предметы нынѣ взору твоему представляются едины! Слова закона на скрыжалѣхъ начертанные, истреблены ліющимися изъ очей твоихъ слезами. Умолкли твои Пророки, невоодушевляемые уже больше небесными

вдохновеніями. О! Сіонъ! отвергнулъ тебя Господь изъ объятій своихъ. Всѣ, всѣ тѣ неисчетныя милости Его къ тебѣ и щедроты пресѣклись.

Злощастные старцы, посыпавъ прахомъ главы своя, преклоненные къ земли, всуе изтощаютъ духъ свой въ тяжкихъ воздыханіяхъ; всуе проливаютъ слезы предъ Богомъ, который не внемля жалостнымъ воплямъ ихъ, усугубляетъ тяжесть лежащаго на ихъ бремени казни. Дѣвы твои, о! Сіонъ! сія жертва, пагубнаго твоего грѣха! лишенныя нынѣ богатыхъ одѣяній своихъ, и покрытыя раздраннымъ вретищемъ, въ безотрадномъ уныніи преклоняютъ къ земли печальное чело свое.

О! зрѣлища плачевныя! Но

уже отъ плача оскудѣли слезы, горчайшія слезы въ очахъ моихъ! Уже сердце мое, пронзенное стрѣлами бѣдствій, испуская безпрерывныя воздыханія, съ нимиже вмѣстѣ издыхаетъ. Куда ни обращу блуждающія очи мои, вездѣ о! Боже мой! едины ужасныя развалины представляются взору моему. Когда, когда Іуда видѣлъ дщерь свою погруженную въ отчаяніе? Когда видѣлъ онъ Твои перуны, дымящіеся нынѣ въ растерзанныхъ членахъ ея?

Тщетно чада изнемогшіе испрашивали помощь у нещастныхъ родителей своихъ. Лютый гладъ, предъ очами нѣжныхъ матерей ихъ, увядилъ хладною рукою своею едва распустившуюся на лицѣ ихъ юношества розу. Самые младенцы едва на

свѣтъ воззрѣвшїе; лежа въ объятїяхъ матерния горячности, паки, при первомъ ихъ вздохѣ, вкусивши съ горькимъ млекомъ смерть, паки обратились въ небытїе.

Злощастной Іерусалимъ! о! градъ опустощенный! Кто во вселенной тебѣ подобенъ? Чьи бѣдствїя могутъ сравниться съ твоими? Ты содѣлался всемирнымъ нещастїя памятникомъ. Всевышнїй погрузилъ тебя въ бездну горести; всѣ удары бѣдствїй, какъ бы согласясь, на тебя единаго низверглись. И кто можетъ утѣшить тебя? кто можетъ возвратить бодрость изнемогшей твоей плоти, и собрать паки разсѣянныя твоя силы?

Твои лжепророки, чемъ бы пред-

представить взору твоему мерзость твоихъ преступленій, открыть предъ тобою истину и заставить тебя возчувствовать смертельныя твои раны, они увѣряли тебя быть по всему здрава: они льстили тебѣ въ нещастіи твоемъ, и ты усыпленъ ласкателствами ихъ, почиталъ себя торжествующимъ побѣдителемъ народовъ. Пустая мечта! гибельная лесть! Ты пробудясь на конецъ къ неоплаканному нещастію своему, узналъ лукавый ихъ обманъ и свое постыдное ослѣпленіе.

Но не довольно сихъ злоключеній? Всѣ тѣ, коихъ къ мѣстамъ симъ гонящая тебя рука приводитъ, соединяютъ съ варварскими рѣчами своими язвительнѣйшее поношеніе, презрѣніемъ сопровождаемое: „ Се градъ

„ градъ, вѣщаютъ они съ ковар-
„ ною усмѣшкою, сто крапъ
„ смертоноснѣйшею убїйствен-
„ наго меча! Се ли градъ, пре-
„ столъ оный величїя и славы!
„ Се ли тотъ Владыка Царей,
„ распредѣлитель народныхъ су-
„ дебъ?

Твой врагъ, упоенный неистовою радостїю, на поруганїи твоемъ утверждаетъ свою надменность. Онъ звѣрски плаваетъ въ крови добычи своея, и торжественною колесницею своею подавляетъ трупы убїенныхъ. Лютое мщенїе преследуя ему, вопїетъ: „ На конецъ терзаю я
„ члены твои, жертва толь
„ долго отъ ударовъ моихъ укло-
„ нявшаяся! Ты страждешъ! я
„ радуюся! Страдай еще больше!
„ твои мученїя суть для меня
„ удовольствїемъ сладчайшимъ.

Грозное

Грозное слово твое, О! Превѣчный! наконецъ свершилось! День плачевный; день смертный уже насталъ! Уже чашу бѣдствій изпили всю безъ остатка! Іяковъ лишился на вѣки своего единственнаго прибѣжища: Богъ его содѣлался Богомъ мщеній. Ангелъ истребитель испыталъ на немъ всю силу свою; и что болѣе еще раздражаетъ страждущее сердце его, Іяковъ зритъ врага своего утопающаго въ благополучіи.

Дщерь поруганная! умирающій Сіонъ! ты слышишъ врага своего на стѣнахъ твоихъ вопіющаго къ Богу твоему. Ахъ! какое раскаяніе должно терзать всегда сердце твое? Принеси, принеси Всевышнему печаль и страданія свои, яко жертву очищенія; да обрѣтаютъ тебя и

свѣтлый

свѣтлый день, и мрачная нощь, да обрѣтають тебя стѣнящую въ обьятїяхъ печали; да раздаются повсюду жалостные твои вопли, и да проникнутъ они къ престолу Бога, карающаго тебя.

Преклони, о! Сїонъ! злощастную главу свою предъ Господемъ, бїющимъ тебе; провождай въ глубокихъ воздыханїяхъ тѣ долгїя нощи твоя, сномъ мирнымъ не посѣщаемыя; да погружается сердце твое въ кровавыхъ слезахъ; возводи руки свои къ небу; простри къ верховному Владыкѣ вопли свои: да если исторгнулъ онъ изъ обьятїй твоихъ изнемогшїя чада твоя; если гладъ пресѣклъ еще въ колыбели невинные ихъ дни: то да избавятся, по крайнѣй мѣрѣ души ихъ отъ смерти!

Призри, О! Боже Іяковль! и виждь, какіе преступники поражены твоимъ пламеннымъ мечемъ? Виждь, на чьихъ челахъ, въ сіи прискорбныя и лютыя времена, мщеніе твое положило печать молніеноснаго гнѣва твоего? Виждь, если крики и вопли самою природою произносимыя, не проницаютъ до слуха Твоего. Виждь матерей пожирающихъ младенцевъ своихъ. Еще ли мѣра бѣдствій нашихъ не исполнилась? Твои жрецы избиты, и Ваалъ торжествуетъ.

О! ты стѣнящая земля! и вы обагренные кровію камни! Вы что представляете взору моему, какъ не одни токмо безобразныя развалины? Тамъ младенцы лежатъ умерщвленные на лонѣ издыхающихъ матерей; здѣсь нещастные старики копі-

емъ на сквозь прободенные; тамъ блѣдные и окровавленные трупы влекомые по бренiю. Вездѣ смерть, яко усилившiйся пламень свирѣпствуетъ. Всѣ нивы и поля изрыты перунами какъ раломъ. Мечь самаго Бога ратуетъ противъ Сiона.

Все, все погружено въ унынiи; все утопаетъ въ слезахъ! Вездѣ раздаются жалостные вопли... ничто не пощажено! Увы! ничто не спаслося отъ убiйственнаго оружiя! Мечь Божiй вездѣ пожалъ свою жатву! Гласъ ярости Его, яко ко дню праздника своего, сему дню кровiю и ужасными превратами, на вѣки ознаменованному, призвалъ, кажется, для погибели твоея о! Сiонъ! отвсюду всякородныя бѣдствiя и напасти.

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Плачъ третїй. Вопли Израиля.

Не довольно ли сего Великїй Боже! что жезлъ раздраженнаго гнѣва Твоего еще сокрушаетъ члены мои уже полумертвые? — Почто отъемлеши послѣднюю отраду — свѣтъ отъ очей моихъ? И да не изыйду изъ мрака нощнаго, удерживаетъ рука Твоя блуждающую ногу мою!

Сїя рука Твоя, возносясь и низпускаясь надъ жертвою мщенїя своего, не изнемогаетъ: она поражая непрестанно, въ язвахъ моихъ дѣлаетъ новыя раны.

 Отъ

Отъ сихъ мученій уже плоть моя обветшала и изсохла; самыя кости мои, яко млатомъ сокрушены.

Мщеніе твое соградило предъ мною непрелазную стѣну, и ископало окрестъ меня езеро горчайшія желчи. Подобно смертнымъ, коихъ яко извергов правосудіе Твое осуждаетъ на казнь, Ты повергнулъ мене въ пропасть нещастія безконечнаго.

И да не возмогу изыйти оттуда, Ты троякою стѣною, крѣпчайшею мѣди, оградилъ меня, возложивъ на сокрушенныя уже руки и ноги мои, тягчайшіе желѣзные оковы. И возопію ли когда изъ сердца земли? Мой крикъ, мои вопли упадаютъ вспять отраженные свыше.

Твоя

Твоя рука, повѣсивъ надъ главою моею твердѣйшіе своды, запечатлѣла ихъ, да не проникнутъ въ выспрь безсильныя желанія мои: всѣ пути, всѣ стези предъ мною изглажены, преграждены, да не взыйдетъ къ небесамъ печальная молитва моя.

Свершилось нещастіе мое! Богъ мой нѣсть болѣе тотъ нѣжнѣйшій Отецъ мой, который, внемля воздыханіямъ моимъ удостоивалъ вливать отраду въ сѣтующее сердце мое. Онъ нынѣ, яко левъ присѣдящій сокровенно у отверзстія вертепа своего, готовъ поглотити приближающуюся жертву.

Ярость Твоя, О! Боже мой! на мнѣ единомъ всю силу свою показала. Я умираю подъ

громовыми ударами молнїеносныя мышцы твоея. Подобно пространному морю бурею вѣтровъ отъ ложа своего возбужденному и расторгнувшему узы бреговъ: тако опустошенїе потопило сердце мое!

Твой лукъ смертоносный напряженъ противу меня, и грудь моя поставлена мѣтою для мещемыхъ тобою стрѣлъ. Изъ тула Твоего низвергнувшись пагубоносная туча открыла тысячи отверзстїй проникнуть смерти въ сердце мое.

И мои —... мои людїе ругаются надо мною. Я содѣлался предмѣтомъ ежедневнаго ихъ смѣха и поносныхъ разговоровъ. Не довольно того, что хлѣбъ, которой вкушаю, омоченъ горчайшими слезами моими; но

но —... и ---... для утоленїя жажды, отъ коей истаеваетъ душа моя, предносятъ мнѣ питїе желчїю растворенное.

Зубы въ деснѣхъ моихъ, яко жесткимъ камнемъ изтерты. Глава моя посыпана пепломъ, и адъ подъ ногами моими. На вопль мой, неслышимый ни небомъ ни землею, едины только смертные приходятъ ужасы, къ умноженїю отчаянїя моего.

На вѣки, ахъ! на вѣки миръ и спокойствїе удалены отъ души моей. Златыя времена! въ кои нѣкогда я щастїемъ наслаждался, уже и память ваша погибла! Изчезло то крѣпкое упованїе на самаго себя, изчезло упованїе и на самаго Бога.

Ахъ! что я сказалъ? Боже

мой ! призри на бѣдность мою; воззри на болѣзни и печаль снѣдающія меня; услыши искренняго раскаянія гласъ, коимъ взываетъ къ тебѣ сердце мое, въ пучинѣ горести погруженное!

Каждой прежнія жизни моея день представляетъ очамъ моимъ милосердіе твое; каждой день возвѣщаетъ мнѣ о благости твоей. Твоя О! Господи милость безпредѣльна, Ты не прогнѣваешися во вѣки.

Богъ, вѣщаетъ мнѣ душа моя, Богъ есть Творецъ моего бытія. Отъ Сего превѣчнаго солнца произтеклъ лучь моей жизни. Богъ есть мой Отецъ равно какъ и Господь мой. Въ Его обьятія всякъ, кто съ сыновнею повергается преданностію, всегда обрѣтаетъ утѣшеніе.

Такъ отложивъ жалобы, сѣтованіе и скорбь да ожидаемъ въ терпѣніи исполненія обѣщаній его. Къ истинѣ и добродѣтели ведетъ прискорбный путь. И мужъ, отъ самыя юности понесшій иго злоключеній, дѣлается тѣмъ благоразумнѣе, тѣмъ кротчае.

Онъ владѣя сердцемъ своимъ не попуститъ ему воздыхать; стѣснившіе его узы, не связываютъ его свободу. Ударяютъ ли его въ ланиту? Онъ предъ оскорбляющими его унижается, не вмѣняя то въ безчестіе себѣ; надежда его при немъ, и духъ его остается непобѣдимымъ.

Господи! Ты коего сіяніе славы есть едина благость, Ты не во вѣки пролїеши мщеніе

 твое

твое. Не тако наказываешъ Ты, яко награждаешъ. Твоя милость, прощающая намъ вины наша, составляетъ Твое величество.

Ахъ! если Твоимъ правосудїемъ изочтены неправды мои; то милосердїе твое о! Боже мой! изочтетъ и мои мученїя. Не едиными вѣсами измѣряеши ты человѣческїя преступленїя, и свое оскорбленїе.

Ты каждой день низпосылаешъ небесную росу, напаяющую нивы наши. Ты продолжаешъ нашу жизнь, питая насъ отеческими своими дарами. Возгремитъ ли громъ твой? но удары его изнемогаютъ на горахъ нашихъ; и рѣдко, рѣдко поражаютъ они порочнѣйшихъ на земли.

Плѣнники, тѣ самые плѣнники, окруженные отвсюду ужасами казни, никогда не были попраны торжествующею ногою Твоею. Каждой изъ смертныхъ прибѣгаетъ къ престолу правосудія Твоего; каждой изъ смертныхъ предъ очами Твоими есть единъ отъ чадъ Твоихъ.

Кто не удивится всемогущей десницѣ Твоей, держащей неизмѣримую цѣпь сего міра? отъ Тебя заимствуетъ все и жизнь и движеніе. Изъ Твоихъ нѣдръ проистекаетъ неизсякаемый источникъ благъ: по Твоему опредѣленію и потоки зла проливаются.

Несмысленный человѣкъ! ты ли дошелъ до той слабости, чтобъ окрестности свои наполнять роптаніемъ? Ты ли

 жалуешся

жалуешся на нещастія, отравляющія жизнь твою? Престань, неблагодарный! обвинять превѣчную премудрость: обвиняй свои злодѣянія, коими всегда огорчаешъ Господа своего.

Изслѣдуемъ путь нашъ, испытаемъ стези наши! Увы! вездѣ, вездѣ увидимъ, что мы пресмыкались по бренію пороковъ, и въ тинѣ беззаконій погрязали. Простремъ убо къ Богу сердечный вопль о грѣхахъ нашихъ: онъ удержитъ ноги наша, уже стоящія на краю бездны, и не допуститъ намъ повергнуться въ погибель.

Мы законопреступленіями своими призвали на главы наши молнію и громы, коими поразить насъ десница Божія намѣренія не имѣла. Мы сами отринули

отринули благость его, всегда готовую услышать молитву нашу, принять раскаяніе наше.

Наконецъ милость твою о Господи! мы раздражили, и сей ярости твоея пламень объялъ насъ отвсюду! Но тако мечемъ праведнаго гнѣва твоего, обагреннымъ кровію нашею, Ты восхотѣлъ устрашить вселенную, да исправитъ пути своя, зря наказаніе наше.

Сѣнь смертнаго облака сокрыла отъ насъ лице твое. Вопли наши не могутъ дойти до священнѣйшаго подножія престола твоего. Мщеніе твое, не взирая на злостраданія наша, еще съ вящшею силою продолжаетъ преслѣдовати насъ.

Подобно злаку безполезному

рукою

рукою земледѣльца исторгнутому изъ нивы; или тому новорожденному нещастному младенцу, коего повергаетъ изъ обьятїй своихъ матерь, мерзя безобразнымъ его уродствомъ: тако Израиль, зритъ себя отринутымъ и презрѣннымъ отъ всѣхъ, стѣня подъ тяжестїю лежащїя на немъ громометныя десницы.

Отверзли противу меня уста свои всѣ враги мои. Уже сердце мое отъ окружающихъ меня ужасовъ и страховъ въ груди моей оледенѣло! такъ! Все предсказывало мнѣ паденїе мое, все возвѣщало мнѣ погибель мою. Изъ среди Храма, изъ самаго святилища возгремѣлъ противу меня гласъ проклятїя.

Взирая на Сїонъ, на стѣны его

его разрушенныя, уже сердце мое изсякло, проливая источники кровавыхъ слезъ: однако не престанетъ душа моя рыдать, не престанетъ, доколѣ пріидетъ та вожделеннѣйшая минута, когда Господь, тронувшись бѣдствіемъ моимъ, призритъ на меня съ высоты небесъ.

Нѣтъ мѣста, гдѣ бы злоба и неправда не преслѣдовала меня. И тѣ, коихъ я, будучи въ силѣ и славѣ моей, не коснулся малѣйшимъ перстомъ, и тѣ изкопали предъ мною ямы, разставили сѣти, да къ погибели моей увязну въ нихъ, яко птица нововосперенная; паду яко странственникъ, незнающій пути.

Уже адъ разверзлъ ненасытимую пасть свою, и готовъ пожрать меня; уже зашло дней моихъ

моихъ небесное свѣтило, и камень надгробный вознесенъ надъ главою моею; сѣнь вѣчныя ночи покрыла меня, и я поверженъ лежу въ хладныхъ обьятіяхъ безотраднаго мрака.

Понре глава моя въ морскихъ волнахъ. Увы! погибаю, на вѣки погибаю! О Боже мой! — Ахъ! что я чувствую? — Господи! — Ты Господи услышалъ гласъ мой, гласъ умирающими устами, въ послѣдній уже разъ, въ глубинѣ сего ада, произнесшій святое имя Твое!

Ты, Господи! внялъ воплямъ моимъ! Твоя мышца исторгла меня изъ пагубоносныхъ пропастей. Ты покрылъ меня благотворною сѣнію крылей своихъ; Ты реклъ мнѣ: Дерзай: не бойся. — И сердце мое ободрилось.

Такъ Боже мой! Ты возвращаешъ мнѣ паки и жизнь и надежду! Ты наказать меня попустилъ вѣроломному врагу! Но Ты видѣлъ, съ какою наглостїю онъ нападалъ на меня? Ты видѣлъ гордость его, его высокомѣрную гордость, вознесшуюся паденїемъ моимъ?

Востани Господи! прїими оружїе мщенїя, порази сїи нечестивыя жертвы тѣмиже молнїями, какими Израиль былъ пораженъ. Востани! и громомъ твоимъ истреби злодѣйства ихъ .... Но могутъ ли по достоинству наказаны быть жестокосердые оные нечестивцы?

Да падутъ подъ бременемъ трудовъ своихъ, истощая всуе кровавой потъ и силы. Да будетъ грудь ихъ, яко мѣсто

смертныя

смертныя казни, нося въ себѣ неумолимаго палача. Да потопятъ душу ихъ воды горчайшихъ печалей, и сердце ихъ да сокрушится о камень безотрадныхъ злостраданій!

Отврати отъ нихъ всю милость твою о Праведный Боже! Проклятіе, едино проклятіе да преслѣдуетъ ихъ повсюду: да исторгнется корень ихъ отъ земли живыхъ, и на вѣки предъ лицемъ небесъ да изчезнутъ.

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Плачь четвертой, въ которомъ жалуется Пророкъ на строгость опредѣленія Божія, огорченнаго противу нечестія лжепророковъ и противу жестоковыйности народа.

Какой, о! небеса! превратъ? Блескъ злата и сребра, измѣнился въ подобіе презрѣннаго металла. Вижу жертвенникъ Господень, вижу святилище Божіе разрушенныя; камни украшавшіе ихъ, тѣ камни чистѣйшаго мрамора, тѣ драгоцѣнные камни, вижу разкиданные по стогнамъ и покрытые грязью и пылію.

Твои чада о! Сїонъ! на челѣ которыхъ самъ Владыка мїра начерталъ кажется своего Величества знаки, сїи чада твои суть нынѣ, яко презрѣнное земли бренїе, кое служитъ работою для рукъ стольже грубыхъ какъ и оно.

Подобно чудовищу, кое питаясь твердѣйшими камнями, а кремнями услаждаясь, и имѣя стольже какъ каменъ твердыя сосцы, не можетъ ни малѣйшїя дать капли млека дѣтямъ своимъ, однако питаетъ ихъ: подобно . . . или сто кратъ нечувствительнѣйшимъ содѣлался ты о! Сїонъ! Ты видишъ ссущихъ младенцовъ, ты видишъ, что языкъ ихъ отъ палящїя жажды прильпнулъ къ гортани ихъ: гдѣжъ твое сердце? — Гдѣ твоя чадолюбивая горячность?

Тебе

Тебе не трогаетъ столь бѣдственное состоянїе ихъ ; ты не думаешъ изхитить ихъ изъ пламени, жаждущую утробу ихъ сожигающаго. (*)

(*) *Примѣча.* Въ Еврейскомъ текстѣ, сїи въ природѣ чудовища, коимъ Пророкъ въ семъ мѣстѣ уподобляетъ дщерь Сїонскую, означены именами, одно *Таннинъ*, другое *Эним*ъ. Чрезъ первое разумѣютъ толковники, иные морское животное, другїе земнаго змїя : но и тому и другому опредѣлительнаго вида точно не показываютъ. Есть, говорятъ, нѣкоторое изъ рода морскихъ Китовъ, чудовище, которое дѣтей своихъ питаетъ сосцами. Есть морскїе волки, кои сколь ни люты, хищные и прожорливые, однако питаютъ своихъ щенковъ. Есть на сушѣ змїи,

Какое, о Боже великій! зрѣлище? Куда ни обращаю взоръ мой, вездѣ вижу одни только ужасы, блѣдною и дрожащею глада рукою распространенные. Тотъ

кой имѣютъ подъ чешуею сокрытыя сосцы, кой столь же сокровенно подаютъ они ссать изчадіямъ своимъ. Но чрезъ имя *Эними*, въ нашей Библіи переведенное, *Птица*, всѣ почти разумѣютъ *Струса*, основываясь на словахъ праведнаго Іова: „Крило струсово подобно есть „криламъ еродіа и орла. Когда „оставитъ на земли яица своя, „ты ли на пескѣ согрѣеши ихъ? „Онъ забываетъ, яко нога разбіетъ „ихъ, и звѣри сельныя поперутъ. „Ожесточается на чада, аки бы „не его были, и проч. Іова. XXXIX: 14. 15. 16. Новѣйшіе путешественники повѣствуютъ,

Тотъ, кто изобилуя богатствами, одѣвался по вкусу нѣжности своея въ порфиру и виссонъ, среди пріятностей и забавъ пресыщался всякородными яствами и питіемъ, и тотъ мучимъ томительностію глада принужденъ

что Струсъ, чувствуя приближающееся время, въ которое зародыши должны выйти изъ скорлупы, нѣсколько изъ своего гнѣзда разбиваетъ яицъ, съ тѣмъ что бы при согнитіи ихъ зародившіесь черьви могли служить пищею для протчихъ птенцовъ. Другіе говорятъ, что Струсъ никогда не высиживаетъ птенцовъ, но яица свои оставляетъ на пескѣ знойномъ, и отъ одной солнечной теплоты выраждаются птенцы. Словомъ: на сіе мѣсто столько же толкованій какъ и толковниковъ.

съ алчностїю пожирать самыя мерзостнѣйшїя вещества, и въ ярости терзая самаго себя, наконецъ издыхаетъ.

О вы! ужасные по беззаконїямъ своимъ, ужасные по гнѣву небесному, постигшему васъ, нечестивые грады! Вы, кои злодѣянїями своими привлекли пламень васъ потребившїй! Васъ Богъ, Богъ правосудный съ меньшею наказалъ строгостїю. Его громы и молнїя единымъ ударомъ истребили злодѣянїя ваши: но на насъ, на насъ мышца Его низпускается постепенно. Онъ чашу мщенїя своего по капли проливаетъ, дабы тѣмъ больше отравлять сердце, пронзенное стрѣлою гнѣва Его.

Избраннѣйшїе изъ сыновъ Сїон-

Сїонскихъ, Назореи, вы коимъ предшествовалъ свѣтъ, сопутствовала слава; гдѣ ваше то чистѣйшее яко снѣгъ лице, кое дышало святостїю, важностїю и величествомъ? Увы! вы уже нынѣ не тѣ: на вашихъ мертвенною блѣдностїю покрытыхъ челахъ едины только зрятся безобразныя черты бѣдностїю напечатлѣнныя: вы подобны призракамъ мрачнымъ, выходящимъ въ полунощи изъ гробовъ, предвѣщая явленїемъ своимъ злополучныя приключенїя.

Сколь завидна для насъ участь ваша, о вы на полѣ брани пожатые мечемъ ратоборцы! вы пали, вы умерли, не чувствуя ужасовъ приближающїяся смерти: а мы, мы снѣдаемые лютѣйщимъ гладомъ, каждое мгновенїе испытываемъ жесто-

чайшія мученія приближающіяся къ намъ кончины, которая чемъ бы вдругъ погаситъ пламенникъ умирающія жизни нашея, отнимаетъ только у нея по одной искрѣ. Мы видимъ гробъ, не отверзающійся подъ нашими стопами.

Самыя матери, сей полъ природою одаренный чувствительнѣйшимъ и жалостливѣйшимъ сердцемъ, содѣлались тверже мѣди. О! земля, какъ ты возмогла носить сіе чудовище человѣкоубивственное, какъ вы могли о! небеса взирать на тотъ пиръ преужасный? Когда матери, разтерзавъ плодъ чрева своего, трепещущіе члены его полагали на огнь отъ ужаса охладѣвающій? Юная младенцевъ плоть, оскорбленная таковымъ звѣрствомъ, еще вопіетъ; но

матери снѣдаемыя гладомъ, пожираютъ съ алчностію изчадія своя.

Еще ли не исполнилась мѣра твоего о Боже! мщенія? Еще ли наши мученія Тебя раздражаютъ? Уже пламеннымъ ярости твоея вихремъ Сіонъ сокрушенъ до основаній своихъ. Люди и Цари земные, могли ли вы чаять, чтобъ Израиль когда либо поколебался, низпалъ съ высоты величества своего, и чтобъ какой либо врагъ возмогъ разрушить стѣны Іерусалимскія?

Вы пророки нечистыми струпами проказы, яко чешуею покрытые, и вы служители Олтаря равно оскверненные, вы дерзали простирать ко Богу руки своя кровію обагренныя?

Воззрите на сїи грады мечемъ и огнемъ опустошенные; воззрите на Израиля разсѣяннаго и скитающагося безъ Царя, внѣ Государства; воззрите на всѣ сїи жертвы, убиваемыя мучительнѣйшими смертьми. Вы, вы сему виною; за ваши тягчайшїя преступленїя наказываетъ насъ Господь.

Вы объятые буйною слѣпотою, подобно стаду разсѣянному, бѣгали по стогнамъ града, обагряя ноги кровїю. Къ вамъ, къ вамъ, устрашенная сею дерзостїю вашею невинность вопїяла: удалитесь, удалитесь оскверненные, не прикасайтесь ко мнѣ. Но! не убѣдила васъ ни нѣжность младенческая, ни маститыя старцевъ сѣдины; вы не уважали самое достопочитаемое лице великаго Первосвященника

священника! Тако сїе Израилево колѣно, подвергая себя проклятїю, слѣпо къ погибели своей стремилось предъ лицемъ Господнимъ.

О! мы несмысленные! Мы свои глаза, мы сердце свое обращали въ слѣдъ тѣни и обмана. Наши обольщенные умы плѣнялися только тщетными сновидѣнїями, кои не допускали намъ зрѣть, что бодрствованїе наше преисполнено истинныхъ страховъ. Мы шествуя по пути окруженномъ опасностями, всегда вновь возраждающимися, имѣли ли другое убѣжище кромѣ гроба? Цѣпь нашихъ дней болѣзнями отягощенная, наконецъ прервана вѣчнымъ ударомъ роковаго лезвея.

Не съ такою быстротою

орелъ

Орелъ, томимый гладомъ, разсѣкаетъ рѣющимъ полетомъ пространныя воздушныя поля, ища алчнымъ взоромъ пасущихся на злачныхъ пажитяхъ безсильныхъ агнцовъ; не съ такою стремительностїю низпускается онъ на единаго изъ нихъ и раздираетъ его утробу: съ какою жестокостїю преслѣдуетъ насъ врагъ, гонящїй насъ. Ни высокїе горы, ни горящїе пески, ничто не можетъ защитить насъ отъ злобы его. Доколѣ о Боже великїй! Доколѣ будетъ онъ съ звѣрскимъ, остервенѣнїемъ терзать члены наши кровїю обагренные?

Духъ, водившїй насъ по мирнымъ путямъ, жизнь нашего Государства, Помазанникъ Твой, Царь нашъ нещастный, ко удивленїю самаго побѣдителя, умираетъ

умираетъ въ темницѣ ; Тако тотъ, о которомъ съ твердымъ чаянїемъ мы говорили : ,, Подъ кровомъ величественныя сѣни его Израиль распространитъ подвиги и славу свою ,, нынѣ подобенъ лишившемуся вѣтвїй и листьевъ древу , коимъ самая гнушается земля , почитая его подлою для раменъ своихъ тяжестїю .

Дщерь Идумейская, ослѣпленная , дщерь ! погружайся въ прїятностяхъ , пїй чашу исполненную въ рукахъ твоихъ радости ; совершай бѣшенство неистоваго пьянства твоего , попирай стыдъ , предавайся безстыдству : поспѣшай испить слезы пролитыя Сїономъ ; его нещастїе уже свершилось ; небесное правосудїе уклонило отъ него свою мышцу . Но ты Идумей-

Идумейская дщерь, ты за беззаконія свои стократъ больше наказана будешъ: мечь Божій уже вознесенъ надъ главою твоею; скоро, скоро погибнеши отъ удара его.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ,

И ПОСЛѢДНЯЯ.

Молитва Іереміи отъ имени Израильскаго народа.

Боже Іяковль! о! Ты! предъ коего очами милосердіемъ сіяющими не могутъ быть сокрыты нещастія наши, призри на уничиженіе Израиля! къ Тебѣ

Тебѣ онъ безчестїемъ попранный, къ Тебѣ возноситъ стенящїй свой гласъ.

Поля, грады, веси, и домы, сїе священное достоянїе наше, прешли въ хищническїя руки Иноплеменниковъ, и мы видимъ, какъ они въ вѣнцахъ изъ нашихъ цвѣтовъ соплетенныхъ, попираютъ гордою ногою сѣтующее наслѣдїе наше.

Мы содѣлались неоплаканными сиротами. Тщетно, тщетно простираемъ вопли къ тѣнямъ отцевъ нашихъ; наши матери, облеченные мрачнымъ сѣтованїя, рубищемъ воздыхаютъ подъ игомъ вѣчнаго вдовства.

Увы! до чего простерлись нещастїя наши? Воду, кою свободно пїютъ презрѣннѣйшїе

изъ

изъ скотовъ , воду , кою растворяемъ больше слезами нашими , сїю воду , безчеловѣчный побѣдитель даетъ намъ за цѣну сребра.

За цѣну сребра, о жестокїя вражескїя сердца! за цѣну сребра должны мы стяжать малое бремя хврастїя , сихъ въ пространнѣйшихъ лѣсахъ, безплодныхъ, отпадшихъ и изсохшихъ отраслей древесныхъ, сїе непотребное изгребїе должны мы купить для слабаго освѣщенїя въ нощи печальныхъ нашихъ сосѣданїй.

Толь жестокаго , толь гибельнаго рабства иго лежитъ на выяхъ нашихъ, оковами сокрушенныхъ. Уже отъ работъ безпрерывныхъ силы наши изтощились. Едва, едва Израиль полу-

получаетъ кратчайшую минуту возобновить дыханіе въ груди своей.

Какой, о Господи! уничижительной для насъ превратъ! Рука наша возлагала нѣкогда на Египетъ и Ассуръ узы, смиряющія гордость ихъ. Сію самую руку принуждены мы нынѣ простирать, испрашивая насущный хлѣбъ, слезами, ахъ! горчайщими орошаемый слезами.

Наши, о Боже Правосудный! наши отцы согрѣшили. Но они уже смертію поглощены; ихъ имя изглаждено изъ числа избранныхъ твоихъ: но мщеніе твое еще преслѣдуетъ насъ за преступленіе отцевъ нашихъ?

Можетъ ли быть большее

безчестіе, когда рабы, доселѣ влекущіе съ собою узы и подлость свою, сіи рабы, буйственною упоенные гордостію, презираютъ насъ лежащихъ на краю гроба, величаясь дерзновенно своею властію и начальствомъ надъ нами?

И мы подъ тяжестію сихъ стольже нечистыхъ какъ и нечестивыхъ рукъ умираемъ, не имѣя надѣжды ни получить помощъ, ни отмстить симъ извергамъ человѣчества, кои при всемъ варварствѣ своемъ довольно вѣдаютъ, какими ударами убивать сердце наше!

Среди пустыни, между страховъ и ужасовъ, чрезъ полчища ратниковъ, среди обнаженныхъ мечей, подъ иноплеменническимъ покровомъ мы

должны проносить хлѣбъ нашъ для подкрѣпленія, увы! слабое подкрѣпленіе души уже изнемогшія!

Кожа наша, подобно отверзтію пещи, содѣлалась черною отъ глада сожигающаго утробы наша; языкъ нашъ, прильпнувъ къ изсохшему отъ жажды гортани, остается безмолвнымъ.

Уничиженіе, безчестіе, ругательство, всѣ роды постыднѣйшихъ укоризнъ низлились въ сердце Сіона. Жены и дѣвы Іудовы, суть нынѣ всѣ единъ сосудъ преоскверненный.

Наши! о! мы нещастнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ! наши Князи повѣшены на древѣ проклятомъ. Наши почтеннѣйшіе

старцы заплеваны безстыдными устами нечестивцовъ.

Наши избранные граждане, изнуряемые презрѣннѣйшими трудами, истощаютъ съ потомъ крѣпость и силы младыхъ своихъ лѣтъ; наши дѣти, изнемогая подъ тяжестїю носимыхъ бременъ, увядаютъ среди самыя весны цвѣтущаго юношества своего.

Въ судилищахъ нашихъ, гдѣ царствовала истинна и правосудїе, не слышно болѣе гласа мудрыхъ старѣйшинъ: наши торжества, наши невинныя увеселенїя не видятъ уже хоровъ ликующаго юношества; ихъ непорочныя пѣснопѣнїя, по стогнамъ града уже не раздаются.

Всѣ

Всѣ радости, тѣ мирныя, тѣ священныя радости погасли въ нашихъ сердцахъ; подобно лѣтнему прекрасному дню, изчезающему въ полуночномъ мракѣ, праздники наши покрылись сѣтованіемъ, и сладостнѣйшія пѣсни наши премѣнились въ надгробные крики.

Гдѣ тѣ вѣнцы, коими главы наши украшали мы въ день праздниковъ пресвѣтлыхъ? Увы! поблекла ихъ красота; изсохшіе вѣнцы низпали съ главъ нашихъ, — на вѣки низпали.

Мы о! нещастные! мы вывели изъ терпѣнія милость Божію; мы достойны таковыхъ пораженій! Возгреми о Боже! громъ Твой, пріими оружіе мщенія Твоего, карай, рази насъ; мы даже въ мщеніи твоемъ возбла-

возблагословимъ десницу Твою.

Такъ милосердый Боже! такъ! мы согрѣшили. Сїе то снѣдаетъ сердце наше, чувствующее свою вину, сїе то пронзаетъ сѣтующїя утробы наши. Се! се! Боже мой! источникъ нашихъ слезъ!

Колъ горестные для нашего взора предмѣты! Сїонъ, толико прежде святому Величеству Твоему любезный, Сїонъ содѣлался мрачнымъ убѣжищемъ плотоядныхъ звѣрей. Наше царство разрушилось! Изчезла наша слава!

Но Ты о! Боже! предъ коего вѣчнымъ Престоломъ падаютъ и сокрушаются всѣ Скиптры Владыкъ земныхъ, Ты Царь царей, единъ Великъ,

единъ

единъ Безсмертный, единъ Всемогущъ, едина крѣпость, на которую праведникъ всегда полагаетъ упованіе свое.

Когда? когда увидимъ мы конецъ, толико долговременныхъ наказаній нашихъ? Уже ли мы, влача узы постыднаго рабства, должны остаться примѣрными памятниками Твоего правосудія?

Возсіяй на насъ лучь благости Твоея, и мы принесемъ Тебѣ сердца, Твоею благодатію очищенныя; возврати намъ тѣ прежніе благорастворенные дни, кои сіяніе свое заимствовали отъ лица Твоего.

Но, о! Боже праведный! уже ли не слышиши воплей нашихъ? Уже ли Твой гнѣвъ отринулъ

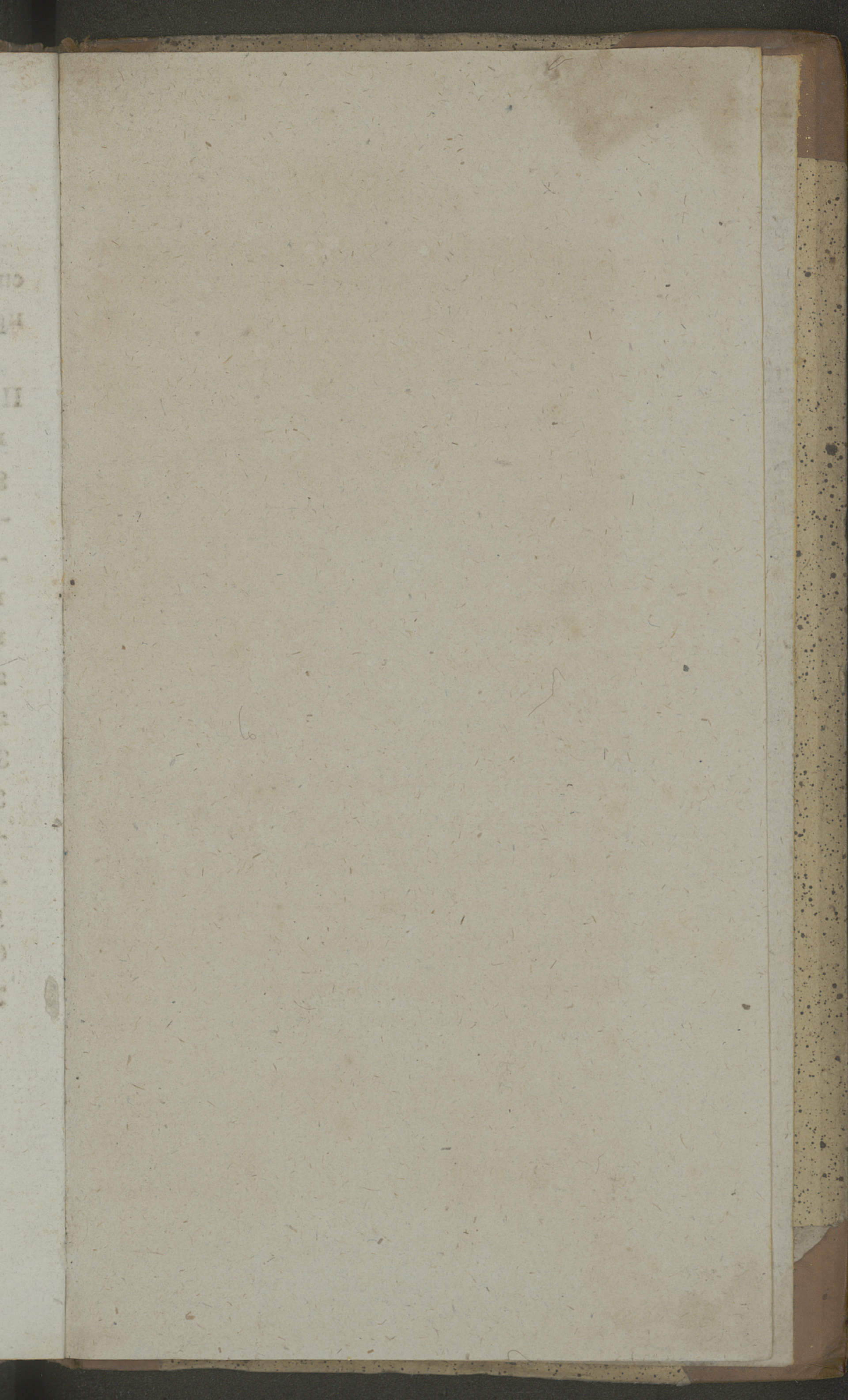
отринулъ насъ на вѣки изъ отеческихъ объятiй Твоихъ? Твои чада Тебѣ прежде любезные, увы! суть нынѣ предъ очами Твоими яко презрѣннѣйшiе изверги ненавистнѣйшаго порожденiя.

Уже ли Ты! положилъ, истребивъ насъ въ конецъ смертоносными ударами Твоими, сотворить мщенiя Твоего повсемственнымъ примѣромъ? Ты, уничтожая народъ свой, уничтожаешъ и его жертвенники въ Твою славу сооруженные... Но вѣчной — вѣчной въ сердцѣ своемъ для Тебе Израиль сохранитъ храмъ.

Конецъ.

Погрѣшности

стран:	напечатано	читай
предисл. 8.	предмѣта	предмета
14.	его?	его.
Плач. Іерем.		
1.	Ізраиль	Израиль
8.	отрынуты	отринуты
- -	въ пропасти ?	въ пропасти !
- -	простереть	простерть
11.	единымъ утромъ	въ единое утро.
16.	моимъ !	моимъ ?
26.	воззрѣвшіе :	воззрѣвшіе ,
27.	злоключеній ?	злоключеній.
32.	превратами ,	превратами
36.	мѣтою	метою
- -	надо	надъ
44.	такъ !	такъ ?
53.	глада	глада,
61.	съ зверскимъ ,	съ звѣрскимъ
70.	разрушилоь !	разрушилось.

ГПБ Русский фонд
18.170.4.16.